

* * *

Утомлённый фонарь через ветки заснеженной ели –
вожделенный уют умиляет израненный взгляд,
гребни снежных валов заливаются жёлтым елеем,
и летучая пыль подгорает на жарких углях.

Лампа тихо звенит на зудящий манер комариный,
каждый шаг, отдаваясь в проулке, кричит и скрипит,
и гарцует скамейка по вызревшей тестом перине –
ну, садись на меня, торопись, торопись, торопись...

К тёмно-серому мраку той тучи моё тяготенье –
это сизых голубок тяжёлый слепившийся ком,
ускользают в полёт из-под ног мои быстрые тени,
в те поля, где Луна сквозь игольное смотрит ушко.

* * *

Всё, конечно, обман, но кому писать жалобу?
По карнизам сосулук бежит бахрома,
липкий снег подбивает на мелкие шалости,
и скрипит темнота на ветру как гамак.

Всё, конечно, иллюзия – глянь и рассыплется,
чудеса в решете точно сон пропадут,
я, почти не дыша, приподнявшись на цыпочки,
по серебряной улице чувства крадусь.

Да, та синяя птица вдруг каркнет вороною,
а царевна твоя со звездой во лбу
обернётся женой... Чудом счастья затронутый,
вечер шепчет, вздыхая всем воздухом: будь.

* * *

Ратные подвиги не для меня.
Тыл – борщи и уборка,
носы вытирать, пелёнки менять,
шваброй по полу шоркать.

Но что делать с синью, острой как нож,
входящей под сердце сладко,
с тенью изогнутой, точно ложь,
на белизне гладкой?

С этим миром, что явлен мне,
и так вот открыт, и ясен,
будто мы от общих корней?
И этого что прекрасней?

Вся его яркая, звонкая смесь,
под тонкой небесной аркой
звучит, как любви великая месть
повседневности жалкой.

* * *

Эти осины – их белую кость
мог бы хранить погост,
и эти, что зеленью влажной полны
в предвкушенье весны –
сёстры мне, и душою к душе
липну. Вдоль снеговых траншей
взгляд туда, где осинный полк
ждёт весны, где трепещет шёлк
воздухов, где в ветвях висит
синь небесная – парусит.
Приподымет вздох
ветра, восходя,
и опустит вниз
в пышный пух, любя.
Где осинный толк, где сорочий треск,
где рябины гроздь, я стою как перст.
Я стою в снегу сосной рыжею,
а душа скрипит во мне лыжею.

* * *

Пахнет пилёным деревом, снега опилки белые...
Что там на небе делают?
Солнце сомлело, квелое.
Кроет ли дом новенький синею крышей кровельщик,
Белый ли храм строится,
Богу ли кто молится?...

Светом душа полнится – прошлое вдруг вспомнится –
не у него ль горлицей сердце с руки кормится?

* * *

Деревья, идущие в гору,
под ветром шумящие хором,
за вами к вершине горы,
вливаясь в шумы и хоры,
забыв и разоры, и споры,
иду. Мне корней ваших впору
неспешные эти шаги.

Под солнечным бдительным взором,
растут наши души нескоро,
лишь листья и чувства скоры.
И долгие дни разговоров,
и тёмные ночи дозора,
и стрелы прозрений – остры....

И всё же, и всё же на свете
мы только ничейные дети,
и нам – нам всегда до игры,
и мы не юны, не стары,
мы просто деревья, мы в гору
шагая, шумим дружным хором,
и просто живём до поры.

* * *

И незачем больше спешить -
то пори, то шей,
а если устанешь – тогда то стирай, то гладь,
пусть пенится мыло, пылает утюг и шустрит игла –
всё это теперь у тебя во главе угла.
Жизнь озаглавится, главное пропустив,
в мелкий и мутный его отпустив курсив.
Терпение сердца – в муку мели муку
и каждое слово, пригладив, – конём в строку.
Игрушечны кони, и страхи летящих сов.
И понарошку приносят добычу псы.
Но настоящ жизни новой весёлый зов ,
и каждая тварь, оживившись к нему спешит.
Меня накрывает зелёной волной весна,
что делать – она лишь одна за меня решит.
– И слышится твёрдое – ты отойди от окна –
дело твоё неустанно пороть и шить...

* * *

А на площади холодной точно в омуте зелёном
запоют в траве русалки о любви неутолённой.

Тополь облачную шапку сдёрнул – ветками качает,
мимо цокает лошадка – прочь печали, прочь печали.

Солнце – золотом сусальным льётся, светом подслащённым,
я – птенцом в яйце Пасхальном, вашей лаской освящённым.

* * *

А впредь – развеселись!

За поворотом – друг,

а может, даже скатерть-самобранка,

и нежное кольцо мужских надёжных рук,

и нужное лекарство для подранка –
души моей.

И старшая сестра...

Как не было б сейчас, а будет – лучше!

И счастья большая сияющая часть,

и маленький слепой счастливый случай.

Вот оттого-то жить и хочется! Беги –

скорей, скорей вперед, хватай свою удачу.

И камень до тебя не долетит, а долетит
так пусть он будет мячик.

Тугой, прыгучий – прыгнет – зазвенит,

покатится в густой траве зелёной.

Возрадуйся! не плачь и не ленись,

как бедный зверь змеёю уязвлённый.

Жемчужиной – Луна.

Черёмуха вошла хозяйкой в дом,

и всё преобразилось.

Так чуется зелёная весна,

и Божья милость

* * *

Сирень и шиповник –

не хочешь – запомнишь,

шмелём зарываясь в цветы,

и сочность и сладость,

шиповника голос и лёгких укулов следы.

Сирень меж домами сиреною манит,

и шёлковой лентой скользит

по тайнам сердечным, по ноющим ранам,
которыми так дорожишь.
И взгляд откровенных роз розовоглазый –
что там за душой покажи –
но что ты словами пустыми расскажешь...
а запах, о! запах, он – жизнь.

* * *

Крякали утки на озере,
полной была Луна,
её точно мяч бросили
на чёрную водную гладь.

Небо несло к западу
мрачные облака,
тянулись к Луне лапами,
а то и касались слегка.

А на кустах невидимый
маленький соловей,
что-то такое выдумал,
такое важное пел,

что утки замолкли, яркая
стыла, горя, Луна...
Но по дороге, шаркая,
парочка пьяная шла.

И было им, ох как весело,
и пели они своё.
Но соловьиная песенка
не смолкла,
замри – поёт!

* * *

Эти дебри – кусты и травы
воедино заплетены.
Море зелени, хочешь – плавай,
ну а лучше, нырнув, – тони.

Там, на дне душной дышит влагой
разогретая днём земля,
там уснёшь, как в могилу ляжешь,
боли чёрные отболят –

и не вспомнишь. Там время минет,
точно не было ничего.
Закричит во мне птицей имя,
в дебри травные – с головой.

* * *

И сладкие липы, и влажные всхлипы
дождей уходящих во тьму,
и рамы наружной печальные скрипы...
Душевная нежная муть,
поднявшись со дна
будит прежние чувства,
и сладостно стонет в груди
от радостной страсти,
живая голубка,
от тайного счастья гулит.

И мягкие лапы в разлившихся лужах,
в манящей воде замочив,
неведомый кто-то по улице кружит,
и птицей бескрылой кричит.

И плачет. И следом дождливые всхлипы,
голубка в груди... Но кому
цветут эти сладкие летние липы
сквозь чёрную тёплую тьму?

* * *

Рубахой бьётся ветер на яру -
раскидывает рукавами руки
и, надувая до отказа грудь,
вдруг разом выдыхает воздух – ух ты!

Вздымаются кусты, взлетая, сух
и сладок трепет тростника в канавах,
и тянет свежестью травы, что грезит вслух,
и вызревшей полынною отравой.

Пыль возле ног проносится золой,
и от души хрустит дороги гравий,
и огонёк меж небом и землёй –
далёкий лодочник домой лодчонку правит.

Хакасия-2016

Упрямо наклоняя лбы,
на запад в напряженье силы
холмов зелёные валы
текут под ясным небом синим.

И ты средь августовских трав
и стрёкота, и щебетаний,
идёшь – души своей потрав
уже не счесть –
и вдруг устанешь...

И ляжешь в поле как на дно,
посмотришь на святую радость
небес, горящих над тобой,
и вспыхнет слово Эльдорадо.

* * *

Итколь был нежен, и прощанье
не затянулось. – «Спать пора», –
шептали волны, на песчаный
взбегая берег, зеркала
их отражали острый месяц
и море безымянных звёзд,
а мне ответить было нечем –
лишь парой набежавших слёз.

Я не боялась змей, шагая
ночной дорогой. Пел Итколь,
меня в пути оберегая
и ночи неземной покой.

Так было вольно и безлюдно,
шуршала тонкая трава...
Ведь уходить всегда нетрудно,
найдя прощания слова.